

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ
«NOVGORODIANA STOCKHOLMENSIA»
Стокгольм. Ноябрь 1997 г.

А. И. Пересветов-Мурат

ИЗ РОСТОВА В ИНГЕРМАНЛАНДИЮ:
М. А. ПЕРЕСВЕТОВ И ДРУГИЕ РУССКИЕ ВАЙОР'Ы

В шведских документах XVII в. нередко встречается термин «байор» (bajor), ничего не говорящий современному носителю шведского языка. В начале XVII в. так по-шведски называли всех русских дворян вообще. По форме термин явно представляет собой искаженное шведами слово «боярин» в значении «дворянин», бытовавшее в русском языке уже в те времена и, наверное, подхваченное шведами из живой русской речи (ср. близкое по значению народное образование «барин», известное с XVIII в.).

В продолжение всего XVII (с 1617 г.) и в начале XVIII в. слово «байор» было специальным этническим и социальным термином и слово «bajorfamiljerne» («байорские роды») обозначало специфически шведское явление — узкий круг лиц и дворянских семей в восточной части шведской империи, особенно в Ингерманландской провинции (Ижорской земле), располагающейся по южному берегу Финского залива. Ядро этой группы — роды Aminoff, Apolloff (или Zebotaioff), Callentin, Clementeoff, Pereswetoff-Morath и Rubzoff.¹ Не вызывает сомнения русское происхождение этих фамилий: у нас перед глазами русские семьи Аминевых, Опалевых (или, первоначально, Чеботаевых,²) Калитиных, Клементьевых, Пересветовых (Муратов), Рубцовых.³ А почему члены этих родов жили на шведской территории и почему они причислялись к шведскому дворянству? В эпоху шведского великодержавья, правда, дворянское сословие было самого пестрого состава в этническом отношении; дворянством жаловали большое число иностранных офицеров, ученых, дипломатов и др., искавших покровительства у быстро восходящей звезды, швед-

¹ В настоящей статье, представляющей собой предварительный очерк, под словом «байоры» подразумеваются члены именно этих родов (кроме Рубцовых), и речь идет о времени до 1617 г.

² Фамилия Опалев (Опалов?), присущая единственной законной ветви шведских Чеботаевых, образована из прозвища Григория Опаля (Опала?) Калиновича Чеботаева, младшего брата Василия Семеновича Чеботаева (о нем см. ниже).

³ Четыре семьи, поступившие на шведскую службу до оккупации Новгорода, реже входят в состав «байорских родов» — это Golowitz (Головачев), Nassokin (Насакин), Rosladin (Розладин) и Baranoff (Баранов). Еще несколько родов, несомненно, причислились бы к ядру шведских байоров, не прекратись они по мужской линии за одно поколение: Butterlin (Бутурлин), Карпов(ский) и Хомутов.

ского короля, и поступивших к нему на службу. Весьма редки среди них были русские — наследственные кровные враги.

Настоящая статья представляет собой краткое описание обстоятельств, при которых праотцы шведских ветвей упомянутых родов поступали на шведскую службу во время шведской оккупации Новгорода в 1611—1617 гг. Прежде всего, речь пойдет о судьбе одного из них, ростовца Мурата Алексеевича Пересветова, скудные данные о русском периоде жизни которого могут быть дополнены материалами из Оккупационного архива Новгорода (ниже ОА), хранящегося в Государственном архиве Швеции. Мы также будем указывать на некоторые черты посреднической роли байоров в контактах шведов с их русскими подданными до и после заключения Столбовского мира в 1617 г.⁴

Хорошо известен факт, что многие русские служили шведским властям во время оккупации Новгорода, за что они и были награждены (мы знаем также, что некоторое число шведов выбрало московскую сторону). К тому же известно, что шведскую партию поддерживала прежде всего часть социальной и экономической элиты Новгорода, между тем как почти никакой подобной поддержки не отмечается в низах, особенно в последние годы оккупации. Решение служить у шведов могло быть вызвано несколькими мотивами — принуждение, оппортунизм и самая простая алчность, но также и убеждение (стоит вспомнить то, что большая часть московской боярской знати поддерживала кандидатуру шведского принца Карла Филиппа, брата короля, еще в начале 1613 г., когда Земский собор под известным давлением казаков избрал в цари молодого и сравнительно незнатного Михаила Романова). Вопрос этот очень сложный ввиду того, что слишком легко в дискуссии об измене исходить из поздних постромантических концепций о родине и национальности, как и из представлений о старой России (и, что хуже, древней Руси) как об исконно однородном государстве с закономерной «конечной станцией» — Москвой. К этому надо добавить трудность четко различать службу Новгородскому государству при шведском режиме и службу самому шведскому королю. Шведские военачальники беспрестанно уговаривали влиятельных новгородцев перейти невидимую грань между той и другой.

Уже Макиавелли отметил в третьей главе своего трактата «Государь», что исключительно трудно править государством с чужим языком и чужими обычаями, но если оставить народ в покое, при старых законах и правах, он и останется спокойным. После взятия Новгорода в 1611 г. шведская администрация так и старалась обеспечить легитимность режима на завоеванных территориях, приспособившись к местным правовым традициям и в высокой степени

⁴ В шведской и русской генеалогической и исторической литературе преобладают неверные данные как о до-шведских, так и о первых ингерманландских поколениях байорских родов. Для русского периода старую литературу заменяет труд датского ученого Дж. Линда (*Lind J. H. Ingermanlandske «Ryss-Bajorer»: Deres sociale og genealogiske baggrund // Gentes Finlandiae. 1984. 6. S. 7—76*); работу Линда в известной степени дополняет и поправляет подготовляемая нами работа о происхождении рода Пересветовых-Муратов (*Fragment av en familj*), особенно в русском периоде Пересветовых-Муратов, но также и новгородском и раннем шведском периоде всех байорских семей, включая Бутурлиных и Хомутовых.

дублируя высших чиновников так, чтобы в городах был и шведский, и русский воевода, и шведский, и русский дьяк и т. д.⁵ В низких чинах гражданской администрации обычно состояли русские, а военные функции, за редким исключением, выполняли шведы или немцы.

Известно, что самим Новгородом совместно управляли воеводы граф Якоб Понтуссон Делагарди и кн. Иван Большой Никитич Одоевский. Не всем известно, однако, что порядок был такой же и в других городах Новгородской земли. В начале, по-видимому, в известной степени удерживали старых воевод и дьяков, жалую их земель.⁶ В середине 1610-х годов в некоторых случаях воеводами назначают разных русских дворян, уже оказавших услуги именно королю и шведской Короне, а не только шведам как «покровителям» Новгородского государства. В их числе встречаем по крайней мере четырех из будущих праотцов шведских «байорских родов»: Федора Григорьевича Аминева в Ивангороде, сына его Исаю Федоровича в Гдове, Никиту Ивановича Калитина в Ямгороде, Василия Семеновича Чеботаева в Копорье.⁷ Хорошо известные Аминевы и Калитин, как и порховский воевода князь И. А. Мещерский, уже некоторое время служили с русским войском у шведов и всячески были полезны шведским властям. О прошлом Чеботаева до 1617 г. мы знаем значительно меньше — только то, что в 1613 г. ему новгородские власти отделяют землю, и то, что его сестра была женой родственника (брата?) бывшего воеводы Копорья.⁸ По многим свидетельствам, Ф. Г. Аминев является главной фигурой среди тех воинов и дворян, которые окончателю поступили на шведскую службу. Он в высшей степени пользуется доверием короля и часто передает его поручения другим байорам.⁹ Некоторые из байоров женятся на его дочерях и внуках.

⁵ Ср.: *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Хроника «бунташного» века: Очерки истории Новгорода XVII века. СПб., 1991. С. 44.

⁶ Таким образом русский воевода Новгорода кн. И. Н. Одоевский в 1612 г. получил целый погост (там же); русский воевода Порхова кн. И. А. Мещерский выступает в качестве ревностного сторонника шведов в большом количестве документов (мы не смогли проверить, был ли он порховским воеводой и до оккупации, но знаю, что уже в декабре 1612 г. он занимал этот пост; см. королевскую грамоту ему (20.10.1614) [*Hallenberg J.*] *Svea Rikes Historia under Konung Gustaf Adolf den Stores Regering.* Stockholm, 1793. Т. 3. 1793. S. 213—214; В. В. Хомутова, воеводу г. Орешка (Nöteborg), в 1611 г., до взятия города, мы спуска несколько лет застаем копорским воеводой при шведах [*Almquist H.* *Sverige och Ryssland. 1595—1611. Tvisten om Estland, förbundet mot Polen, de ryska gränslandens eröfring och den stora dynastiska planen.* Uppsala, 1907. S. 216; *Almquist J. A.* *Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523—1630 med särskild hänsyn till den kamerala indelningen (=Meddelanden från svenska Riksarkivet. N. F. II:6).* Stockholm, 1922. Т. II:3. S. 682). Рядом со всеми ними были и шведские воеводы (ståthållare).

⁷ Ср., например: *Aminoff B. H.* *Slakten Aminoff. Ekenås, 1978. С. 24, 30; РГАДА. Ф. 9. 1616:8 (1/7); микрофильм: ГАШ. FO35-31045 (Калитин); ГАШ. Rikregistraturet 1617 29/3 (Чеботаев). Возможно, что Чеботаев заместил своего родственника В. В. Хомутова, который умер до июля 1615 г. (ср.: *Sundberg H.* *The Novgorod Kabala Books of 1614—1616: Text and Commentary (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. T. XIV).* Stockholm, 1982. S. 39).*

⁸ Ср. *Pereswetoff-Morath A.* *Fragment av en familj.* Еще не установлено, к какому сроку следует отнести воеводство кн. Н. Мещерского, и в других случаях бывшего на стороне шведов. Оно имело место до сентября 1616 г.

⁹ В грамотах король не раз обращается к «любимому нашему Федору Аминеву и другим нашим русским байорам».

Узнаем от одного голландского дипломата, бывавшего в 1615 г. на Новгородской земле, что «король во всех городах, принадлежащих ему в России, содержит двух градоначальников, одного шведа или немца, а другого русского, который, однако, над войском власти не имеет».¹⁰ Другой член того же посольства пишет в текстологически близком описании, что русский воевода должен «содействовать шведскому в отправлении правосудия среди русского населения».¹¹

Эти высказывания вполне совпадают с тем, что мы знаем об инструкции русским воеводам. Единственная известная нам попытка формального определения функций воевод сделана лишь в январе 1616 г., когда канцлер Аксель Оксеншерн написал Ф. Шейдингу: «Его Королевское Величество, всемилостивейший мой государь, намеревается назначить русских наместников в некоторые из Его крепостей в России, которые наряду с другими (т. е. шведскими. — А. П.-М.) должны содействовать отправлению правосудия среди подданных по обыкновениям и обычаям их страны, как и взыскивании и ускорении того, чтобы все, что Его Королевское Величество вправе от них требовать, было доставлено вовремя».¹²

Это, наверное, надо считать поздним подтверждением уже установившегося порядка, связанным с пересмотром наместничества (воеводства) на оккупированных территориях. Верительные письма воевод, выдаваемые тогда, к сожалению, не сохранились, как и не сохранилась форма на русском языке, с которой читали воеводам присягу на верность королю при особой церемонии. Данные о русских воеводах дошли до нас совершенно случайно и в крайне недостаточном количестве. Так, например, неизвестно, кого в это время назначили воеводой в Орешек, где раньше при шведах служил кн. И. В. Кропоткин (родич которого участвовал в шведской осаде Тихвина в 1613 г.). Нам совсем неизвестны имена воевод Ладоги и Старой Руссы.

Хотя у русских воевод, по сообщению голландского дипломата, и не было своего гарнизона, но они располагали средствами, чтобы справляться с преступниками и разбойниками. Кроме того, что они выполняли юридические функции, они были важны и для легитимности шведского режима, в качестве представителей русского народного элемента. Так, есть примеры того, что они бок о бок со шведским воеводой встречали иностранных посланников; известны также случаи, когда они выдавали русские охранительные грамоты, одновременно с грамотами на шведском или немецком языке, выдаваемыми их шведскими сотоварищами.

И самая важная задача русских воевод, связанная с приближением конца оккупации, совсем не упоминается в грамоте шведского канцлера: по мере того как шведы оставляли главную часть Новгородской земли в 1617 г., воеводы, как и другие байоры, должны были уговорить русских помещиков и крестьян остаться на шведской

¹⁰ Цит. по изданию: Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 216.

¹¹ Цит. по изданию: En holländsk beskicknings resor i Ryskland[,] Finland och Sverige 1615—1616: Trenne reseberättelser, från de tryckta och handskrivna holländska originalen. Stockholm, 1917. S. 48—51.

¹² [Oxenstierna A.] Rikskansleren A. Oxenstiernas skrifter och brevveling. Stockholm, 1896. T. 1. Del. 2. S. 251—252.

стороне или же переместиться туда. Это иллюстрируется большим количеством документов. Насколько нам известно, в крепостях, оказавшихся на шведской территории, за исключением поста Ф. Г. Аминева (Ивангород), посты русских воевод упразднили по заключении мира 1617 г., но сохраняли в продолжение XVII в. русских дьяков, подьячих, переводчиков, а также вначале — военных в низших чинах, называющихся «halfbajogere» (видимо, то же, что загадочные русские «полубояре», встречающиеся в нескольких документах XVII в.).¹³

Не все байорские роды были представлены среди воевод. Одним из наиболее влиятельных байоров был Михаил Фуникович Клементьев — новгородец, который перешел на шведскую сторону во время мирных переговоров в 1616 г., разоблачивший русского агента в шведском лагере и давший отчет о положении в Москве — отчет, представляющий собой большую ценность для сегодняшних историков.¹⁴ (Подобный весьма ценный отчет дал байор Н. И. Калитин за несколько лет до этого.¹⁵)

За службу шведскому королю русские байоры были вознаграждены землей. Для заселения шведской Ингерманландии, т. е. большей части Водской пятины Новгорода, после Столбовского мира 1617 г. нужен был русский слой помещиков, умевших обращаться с русскими, православными крестьянами, не выгоняя их на русскую сторону чужими обычаями, чужим языком и чужой верой. Таким образом, русские байоры были пожалованы значительным числом деревень в Ингерманландии.¹⁶ Шведское правительство привлекало русских дворян на свою сторону, обещая им вотчины и поместья. Это, как кажется, было не ново — уже в одном послании 1573 г., правда никогда не отправленном, шведское правительство сделало подобное предложение русским дворянам.¹⁷ Подобно этому, в декабре 1617 г., после заключения вечного мира между Швецией и Россией, король Густав II Адольф в незамеченном, кажется, секретном послании пишет, что «если государство великого князя развалится (Storfurstens Staat går omkull)», Ф. Г. Аминев с остальными байорами должен уговорить «какого-либо знатного князя и боярина» по-

¹³ Актовый материал о байорах см.: *Pereswetoff-Morath A. Fragment av en familj.*

¹⁴ *Widekindi J. (ed.) Thet Swenska i Rykland Tijo åhrs Krijgz-Historie.* Stockholm. 1671. S. 708—710; русский перевод: *Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина)* // ИИС. 1993. Вып. 4 (14). С. 128—131.

¹⁵ *Almquist H. (ed.) Nouveaux documents sur l'histoire de la Russie en 1612—1613* // *Le Monde Orientale.* 1907. P. 55—59; русский перевод, см.: Арсеньевские шведские бумаги I: 1611—1615 гг. // Сб. НОЛД. 1911. Вып. 5. С. 26—29. Об этих лицах, см.: *Lind J. H. De Ingermanlandske «Ryss-Bajogere»...*; *Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева...; Замياتин Г. А. К истории земского собора 1613 г.* // *Acta Universitatis Voronegiensis (Труды Воронежского государственного университета. Педагогический факультет).* 1926. Т. 3. С. 32—33; *Pereswetoff-Morath A. Fragment av en familj.* Многие все еще остаются загадочными в отношении семьи Н. И. Калитина.

¹⁶ *Almquist J. A. Den civila lokalförvaltningen...* S. 674, 679, 683—684; ср.: *Jordeböcker öfver Ingermanland.* Писцовые книги Ижорской земли. СПб., 1859—1862. Т. I. № 1—2. Много материала находится в писцовых книгах в собраниях ГАШ и ГАФ, как и в списках королевских грамот в серии Riksregistraturet в ГАШ.

¹⁷ ГАШ (точный шифр нам неизвестен). Ксерокопии были любезно предоставлены проф. Л. Дюровичем (Лунд). Приносим ему искреннюю благодарность.

ступить на шведскую службу, за что тот должен получить в награду Новгород или Псков!¹⁸

Байоры, видимо, перемещались в Ингерманландию в полном порядке и со всем имуществом. У Ф. Г. Аминева и М. Ф. Клементьева были взрослые дети; другие байоры привели сестер, невесток, зятьев. Можно сказать, несколько обобщая, что среди байоров, принявших окончательное решение оставить Россию, доминируют два семейства: семейство Ф. Аминева (Аминевы, Пересветов, Карповский и, наверное, Калитин) и семейство В. Чеботаева (Чеботаевы, Хомутов, Клементьевы).

В XVII в. ни один из этих родов не принадлежал к русской знати; были они помещики и воины из числа дворян и детей боярских. Но в качестве помещиков и воинов они все-таки могли общаться с русскими подданными Ингерманландии сверху, оставаясь при этом «своими».¹⁹ Стокгольмское правительство этим и пользовалось при решении столкновений среди русского православного населения. В этом качестве байоры могли участвовать в переговорах (Клементьев, Пересветов), при ревизиях земель и при межевании границ (Аминев, Калитин). В других шведско-русских переговорах, надо полагать, они могли участвовать как русскоязычные представители Швеции, будучи в известной степени «в версту», как тогда говорилось, русским дворянам. Этим они и отличались от большинства русских переводчиков на шведской службе («*rysstolkarna*»)²⁰ (Остается неизвестным, до какой степени байоры применялись в этом отношении; см., однако, ниже о Пересветове.)

Со временем байорские роды получали достаточно обширные поместья в Ингерманландии — тем обширнее, чем большие услуги они оказывали государству и чем больше земли они были в состоянии обработать. Сидя в своих поместьях, они во многом сохраняли русские обычаи и нравы. Датский историк Дж. Линд, говоря о неуместности употребления современной терминологии и современных представлений об «измене Родине» (как это нередко делали русские, особенно советские, историки), пишет о переходе русских байоров: «Если вообще говорить об измене этих семей, то она совершается позднее, в XVII в., и при совсем иных обстоятельствах, а именно, когда они стали уступать давлению шведской церкви, стремящейся создать одну церковь для всех подданных новой великой державы, и перешли в лютеранство. Тем самым они изменили подчиненным им и зависимым от них сельским жителям ... Лишенные природных своих покровителей, русского дворянства, они в большом числе переселились в Россию...».²¹

¹⁸ ГАШ. Riksregistraturet. 9612. 1617.

¹⁹ Важно отметить, что Ингерманландия со временем заселялась, скорее всего, финскими и немецкими крестьянами, которых привели туда шведские и немецкие помещики (ср.: *Ohlander C. Bidrag till kannedom om Ingermanlands historia och förvaltning. I. 1617—1645. Uppsala, 1898; Almquist H. A. Den civila lokalförvaltningen...*).

²⁰ Литература о них достаточно богата; кроме работ Таркианена (Tarkianen) в «*Historiallinen Arkisto*», 64 (1969) и «*Historisk Tidskrift*», 92 (1972), см., например, статью Шебегра (Sjöberg) в «*Uppsala Slavic Papers*» (№ 9, 1984 г.), а также см.: Коваленко Г. М. К истории изучения и применения шведского языка в России // Вопросы филологии. методики преподавания иностранных языков и страноведения. Новгород, 1997. Вып. 1.

²¹ *Lind J. H. De Ingermanlandske «Ryss-Bajorer»...* S. 74.

Безусловно, потомки байоров со временем переходили в лютеранство, но надо заметить, что этот переход, как и ассимиляция вообще, в большинстве случаев шел медленно. Почти все браки в первых двух поколениях заключались внутри группы байорских семей, и большинство членов этих семей долго сохраняли православную веру — в одном случае даже до начала XVIII в. Еще в середине XVII в. несколько байоров подписывают документы кириллицей, тогда как другие, видимо, научились немецкому и — реже — шведскому. В. С. Чеботаев держит секретаря-немца, но остается благочестивым православным.²² Так байоры ассимилируются в своего рода шведско-немецкую остзейскую дворянскую культуру и постепенно удаляются от культуры своих крестьян. Но в начале они выступают за права православных в Ингерманландии, отправляют по этому поводу многие послания в Стокгольм и добиваются известного успеха. Жертвуют деньги в пользу православных церквей и часовен. Вдовы и незамужние дочери могут уйти в монастырь — обычай, совсем чуждый шведско-лютеранам XVII в.²³

С большим скепсисом приходится относиться к высказываниям потомка М. А. Пересветова, майора Александра (Александровича) Пересветова-Мурата, писавшего в начале XVIII в. о том, как король Густав Адольф уговаривал байоров перейти в евангелическое христианство, «к чему они сразу же согласились (*funno sig redobogne*), понимая, однако, то, что если опять очутятся во власти русского великого князя, то он сожжет их заживо с женами и детьми».²⁴ Правда, относительная верность православия была не без исключений. Один из молодых членов семьи Аминовых учился богословию в Упсальском университете в 30-е годы XVII в. Из молодого русско-шведского дворянина Андрея Исаевича вышел ученый, владеющий латинским языком, *Andreas Isaci!*²⁵

В 1631 г. голштинский дипломат Адам Олеарий, проезжая через Ингерманландию, гостил у одного русского байора, которого называет *N. Basilowitz'em* (вероятно: Васильевич). Олеарий описывает, как его «сердечно угощают» едой и питьем на серебряной посуде и как хозяин-байор велит играть на двух трубах перед каждым гостем — к этому *Basilowitz* привык на войне в Германии, где сражался и был ранен и где научился свободно говорить по-немецки. Перед отъездом из усадьбы байора красивая и молодая хозяйка с родственницей выходит из дома, пьет за здоровье гостей рюмку водки и делает реверанс. Русские в посольстве Олеария считают это великою честью; большей честью был бы лишь поцелуй хозяйки.²⁶

²² См. его завешание от 26 апреля 1652 г. (ГАШ. Biographica. Zebotaieff).

²³ По предложению проф. А. С. Мыльникова (Кунсткамера), мы в настоящее время работаем над статьей на русском языке о позиции байорских семей в 1617—1721 гг., в которой эта тема будет прослеживаться подробнее.

²⁴ Цит. по: *Aminoff C. G. De ingermanländska «Bajorfamiljernas» ersättningsfråga efter 1721 // Gentes Finlandiae. 1987. VII. S. 11—12.*

²⁵ *Aminoff B. H. Släkten Aminoff. S. 32.*

²⁶ *Olearius A. Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyse nach Muscow und Persien, so durch Gelegenheit eines holsteinischen Gesandtschafft... geschehen... Jetzo zum dritten und letzten mahl correct heraus gegeben. Schleszwig. 1663. S. 13.*

Была предпринята неудачная попытка отождествить этого байора с Григорием Чеботаевым (например: *Aminoff B. H. Ur ingermanländska handlingar. 1 // Genos. Sukutietellinen aikakauskirja/Tidskrift för släktforskning. 1933. 4: 1—2. S. 25.*

Одним из наиболее известных русских байоров был Мурат Алексеевич Пересветов (?—1641). Он приехал в «шведский» Новгород к концу 1613 г., источников о нем в ОА сохранилось немного. Сопоставив их с данными других источников, можно все-таки составить представление о жизни Пересветова в целом. Поставив эту цель, позволим себе углубиться в его биографию за период 1613—1617 гг.

Есть основания полагать, что родоначальником Пересветовых был некий Василий Иванович Пересвет, живший в начале XV в. в Дмитровском княжестве, где у его потомков была вотчина. Род, однако, уже в XVI в. дробился на две ветви (может быть, и больше), представители которых служили у дмитровского удельного князя Юрия Ивановича и у архиепископа ростовского и ярославского, с 1589 г. митрополита. Отец и дед Мурата Алексеевича служили у ростовского иерарха — последний, Невзор Федорович, в качестве дьяка. Среди семей, состоящих в родстве с дмитровскими и ростовскими Пересветовыми, находим, например, роды Татищевых, Тишковых, Ростовичиных и Тютчевых.²⁷

М. А. Пересветов впервые встречается в источниках поздним летом 1613 г.²⁸ В сказании, входящем в состав так называемой Третьей Новгородской Летописи, под 1613-м годом рассказывается об осаде тихвинских монастырей шведами в том же году. Осажденный Тихвин, недавно отвоеванный у шведов, получил подкрепление из медленно восстанавливающей здоровье Москвы. По всей вероятности, ростовец Пересветов достиг Новгородской земли в рядах московского войска. Однажды в сентябре некий казак Тяпка оставил монастырь и отдал себя в руки шведов. В летописи читаем: «И послѣ того беззаконнаго Тяпки, на третій день, смотря на его вражію прелесть, сынъ боярский Ростовець Мурать Пересвѣтовъ такожде измѣнил государю царю, и преступилъ крестное цѣлованіе, и преложиша к поганымъ и сказа имъ, что у пречистыя Богородицы в острогѣ не бысть хлѣба, и соли и пороху. Поганіи же яша ему вѣру, и начаша готовитися къ приступу, с огненными примѣты и лѣствицами, и поставиша туры за рѣкою противъ Мелницкой башни ... и хотѣша святое мѣсто до основанія разорити и кровь христіанску пролити».²⁹

Попытка провалилась, и наемные войска, уже давно не получавшие платы, разбеглись повсюду. На это Якоб Делагарди, главнокомандующий шведскими войсками в России и шведский воевода в Новгороде, жаловался во многих письмах. Он приказал войскам возвратиться в Новгород, и в их числе, видимо, туда прибыл и Пересветов.

В следующем, 1614-м, году этот ростовец уже осел в Новгороде. В одном письме, хранящемся в ОА, некий Олферий Северов обра-

²⁷ Ср.: *Pereswetoff-Morath A. Fragment av en familj*; ср. также: *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники*. М., 1958. С. 303—306. О Василии Пересвете см.: *Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси*. Москва, 1958. Т. 2. С. 56—57; ср. с. 150—151.

²⁸ Прозвище «Мурат» (настоящее имя Пересветова неизвестно) было в ходу у русских дворян XVI в. Напомним факт, что турецкого султана в 1574—1595 гг. звали Муратом.

²⁹ НЛ. С. 369; ср.: *Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города*. М.; Л., 1951. О Пересветове нам ничего определенного неизвестно из шведских источников об осаде Тихвина.

щается к нему («дѣрю моему мурату але^ксеевичу ѿ^лѿеРко сиверо^в чело^м бье^т») с просьбой продать хлеба за его (Северова) счет. (Из-за этого у Северова будут неприятности с властями, так как будут подозревать, что он готовится к отъезду в Москву.³⁰) Это было ужасное время в жизни Новгорода — неурожай и небывалый голод, вызвавшие людоедство; разорение и опустошение; все более жесткие меры со стороны шведских властей, по мере того как снабжение войск продовольствием осложнялось и оппозиция в городе росла. Делагарди и в особенности его заместитель Эверт Горн всерьез стали уговаривать новгородцев отказаться от присяги принцу Карлу Филиппу, великому князю новгородскому, а присягнуть его брату, шведскому королю Густаву II Адольфу.³¹

Осенью 1614 г. в челобитной от всех слоев общества двадцать девять влиятельных новгородцев — в их числе митрополит Исидор, воевода князь И. Н. Одоевский и дьяк-писатель И. Тимофеев — заявляют именно о своей верности Карлу Филиппу. В этой челобитной находим и подпись М. А. Пересветова.³² Мы узнаем, что Пересветов через год после своего приезда в город уже входит в шведофильский, новгородский «истеблишмент», который, однако, не во всем следует официальной шведской политике.

Следующей весной фельдмаршал Горн начинает интенсивную кампанию с целью завлечь или заставить влиятельных новгородцев перейти на шведскую сторону. Он жалуется, что большинство из них все «поют свою старую песню», но в конце апреля 1615 г., выслав несколько упрямых дворян, он может сообщить: «...надеются, что другие новгородцы будут благоразумнее; так, некоторые бояре уже тотчас после того, как те были высланы, предложили присягнуть на верность Его Королевскому Величеству».³³

Ввиду того, что Пересветов предыдущей осенью занял видное положение в городе, но, вероятно, еще не решился окончательно выбрать шведскую сторону, и того, что до 30 июля 1615 г. (когда Горн погиб под Псковом) был пожалован поместьем фельдмаршалом, есть все основания полагать, что одним из упомянутых Горном байоров был М. А. Пересветов. В целовальной, по которой, по всей вероятности, присягали в этих случаях, говорится о верности королю и о готовности умереть за него; о том, что будут передавать всю «лихую» речь королевским чиновникам и не будут вступать в связь с другими государствами, в особенности с московским и литовским.³⁴

В августе 1615 г., накануне осады Пскова, сам король в лагере под городом издает утвердительную грамоту, в которой читаем: «Обладатель сей грамоты, русский байор (Boijar!) Мурат Пересветов состоит у нас на службе (lâther sig brukka utij wâr tienst); посему мы в милости пожаловали его тем поместьем, которым до сего владел

³⁰ ГАШ. Ockupationsarkivet från Novgorod. 2:24; издание челобитной Северова см.: Якубов К. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива. Кн. I. Столбцы // ЧОИДР. 1890. Т. СЛII. С. 26—27.

³¹ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.). Юрьев, 1913.

³² Цит. по: ДАИ. 1846. Т. 2. С. 43—47.

³³ Цит. по: Арсеньевские шведские бумаги... С. 49.

³⁴ ДАИ. 1846. Т. 2. С. 76.

Олфер(ий) Северов, и (которое. — А. П.-М.) ему даровал покойный наш фельдмаршал Эдверт Горн.³⁵

В осаде Пскова в шведской армии участвуют русские войска под командованием порховского воеводы кн. И. А. Мещерского и байора Н. И. Калитина, возможно, уже тогда ямгородского воеводы.³⁶ По непроверенным данным, Калитин через год станет свояком Мурата Алексеевича. Не участвует ли в осаде и он?

И другие данные, которыми мы располагаем за период 1615 и 1616 гг., указывают на относительное благосостояние Пересветова и на то, что он устраивает себе хозяйство в Новгороде. Новгородские кабальные книги за период с сентября 1614 г. по сентябрь 1616 г., содержащие контракты, по которым бедный люд отдавал себя в холопство за денежную сумму, сохранились в ОА. За этот сравнительно недолгий срок, впервые именно летом 1615 г., Пересветов трижды посещает новгородский Дворцовый приказ, чтобы составить контракты о наеме пятерых взрослых холопов.³⁷

Летом 1616 г. Пересветов служит, еще не установлено кем, на мирных переговорах в Ладоге.³⁸ Возвратившись в Новгород в сентябре со службы у Делагарди, он узнает, что у него украли две лошади, которые находились в табуне под Новгородом (украли и восемь других лошадей оттуда же). Челобитная, которая сразу же была составлена для него новгородским подьячим, все еще хранится в ОА. Известно, что тогдашние русские для практических целей предпочитали низкорослых ногайских лошадей, но также известно, что нередко богатые дворяне приобретали более высоких, стройных, европейских, часто польских лошадей, стоящих намного дороже и придающих человеку вес. Это и видно на примере украденных пересветовских лошадей — одной ногайской в 30 руб. и одной польской — в 50 руб. Вместе они стоили почти в пять раз больше, чем пятеро взрослых холопов, незадолго до того нанятых Пересветовым. Ничего удивительного нет в свидетельстве о том, что один из двоих конокрадов ускакал на муратовых лошадях.³⁹

Поместья, крепостные, дорогие лошади, участие в городском собрании... По всем известным документам видно, что Пересветов живет небедно. Он отправляется свататься в Ивангород и в 1616 г. бе-

³⁵ Королевская грамота от 19.08.1615. Копия: ГАШ. Ф 1:20:413 (ошибочно датирована 1625 г.).

³⁶ *Замятин Г. А.* Псковское сиденье: Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г. // *ИЗ.* 1952. Т. 40. С. 191. О Мещерском в связи с псковской осадой см.: *Проезжая по Московии...* С. 221.

³⁷ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books... P. 39, 90—91, 111—112.

³⁸ РГАДА. Ф. 9. 1616:6 или 1616:8. Нам не удалось отыскать данные о Пересветове в этом фонде; однако, ссылаясь на них, Г. А. Замятин в неизданной докторской диссертации пишет о Пересветове: «служивший в войсках шведов» (*Замятин Г. А.* Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // *ОР РГБ.* Ф. 618. Картон 2). Приносим искреннюю благодарность Г. М. Коваленко за любезно предоставленные выписки из этой весьма ценной работы, издание которой принесло бы большую пользу всем, кто занимается этим периодом шведско-русских отношений.

³⁹ ГАШ, *Ockupationsarkivet från Novgorod*, II:165. Приносим искреннюю благодарность fil dr. E. Löfstrand, которая обратила наше внимание на эти документы и представила их ксерокопии. О русской «конной культуре» этой эпохи см.: *Kleimola A. M.* Good Breeding. Muscovite Style: «Horse Culture» in Early Modern Rus // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1995. Т. 50. S. 199—238.

рет в жены Агафию Федоровну Аминеву,⁴⁰ дочь русского воеводы Ивангорода, первого доверенного лица короля среди русских байоров, и тем самым упрочивает свое положение.

После заключения мира Мурата Алексеевича, как и других байоров, жалуют несколькими ингерманландскими деревнями. В итоге у него окажутся одиннадцать, всего в 98 обжей (что больше, чем у большинства байоров); почти все они расположены вокруг господского дома Newtåhog в с. Неверовицы (ныне называется Муратово). Край относительно мало страдал от опустошения, и в последующие годы крестьяне из России не раз переходили границу, чтобы поработать какое-то время у Пересветова.

Весной 1636 г. Пересветов участвует в переговорах на шведско-русской границе об обмене крестьянами-перебежчиками. Здесь мы не будем углубляться в ту интересную беседу «в пьян», содержащую разные угрозы о шведской военной интервенции, которую вел Пересветов с одним русским подьячим и о которой нашли нужным спешно доложить царю Михаилу Федоровичу.

У четы Пересветовых родилось двое детей — Александр и Александрия. Сам ростовец Мурат Алексеевич Пересветов умер, надо полагать, в своем поместье в Шведской Ингерманландии в 1641 г. За ним через год последовала Агафия Федоровна.⁴¹

* * *

Один за другим, начиная с Аминевых в 1618 г., байорские роды были пожалованы шведским дворянским гербом и внесены в матрикулу шведского Рыцарского дома. Третий из них был род Пересветовых-Муратов, в 1652 г. внесенный королевой Кристиной под № 559 среди дворянских родов, в лице сына Мурата Алексеевича, Александра, «так как наш верный слуга и ротмистр, покойный Мурат Пересветов, происшедший из старого дворянского рода и колена в России, в век свой служил превысокоуважаемому дорогому нашему покойному господину отцу ... в военных делах, и, как свидетельствуют при этом, всегда вел себя доблестно, верно и мужественно и как подобает благоразумному воину»⁴²

В Швеции Александр Муратович Пересветов пользовался именем отца в качестве отчества, со временем сочетавшегося с фамилией в форме «Pereswetoff-Morath». Александр Пересветов-Мурат, сын русского байора, закалившийся в боях и говоривший на русском, шведском и немецком языках, скончался в 1687 г. шведским полковником кавалерии и бывшим комендантом крепости Ниеншанц, одного из самых важных шведско-русских приграничных городов. Город располагался на территории сегодняшнего Санкт-Петербурга.⁴³ Приближалась Великая северная война между Швецией и Рос-

⁴⁰ Aminoff B. H. Slakten Aminoff. S. 28.

⁴¹ ГАФ. Jordeböcker över Ingermanland för åren 1640, 1641, 1642 (микрофильм ES 2671).

⁴² Sveriges Riddarhus (Stockholm), Sköldebrevsavskrifter, Pereswetoff-Morath.

⁴³ Василий (Васильевич?) Бутурлин (ок. 1600—1665), шведский подполковник, родившийся в России. За два десятилетия до Пересветова-Мурата (возможно, его родственника) стал комендантом в Ваксгольме, одной из крепостей, защищающих вход в Стокгольм с моря.

сией. В этой войне две из ингерманландских крепостей, Ниеншанц и Копорье, защищали два коменданта, сыновья одного из русских байоров, Юханн и Василий Григорьевичи Опалевы-Чеботаевы (Apolloff); двумя войсковым частями на ингерманландском фронте командовали братья-полковники Александр и Карл Александровичи Пересветовы-Мураты. Всего в Северную войну на шведской стороне сражались 39 офицеров из байорских семей Аминевых, Калитиных, Клементьевых, Опалевых-Чеботаевых, Пересветовых-Муратов и Рубцовых, за 80 с лишним лет прочно укоренившихся в новой стране.*

---

* Схему «Из родословных русских „байоров“» см. на с. 378.

Из родословных русских «байоров»*

Григорий Арап (?) Аминев

Федор Аминев (→ Aminoff)
гдовский и ивангородский воевода; уп. 1585?, 1597; ум. 1626?

Исай гдовский воевода	Степан лейтенант уп. 1612; ум. 1657	дочери**	Михаил корнет уп. 1634; ум. 1654	Андрей ?
--------------------------	---	----------	--	----------

Семен Калин Чеботаев

Василий Чеботаев → Zebotaieff уп. 1613; ум. ок. 1652; копорский воевода	Григорий Опал фенрик; уп. 1641—1655 А. И. Аминаева ∞ А. И. Аминева	Офросения уп. 1634—1652 ∞ Ш. Хомутов	Степанида уп. 1634—1644 ∞ М. Ф. Кле- ментьев
--	---	--	---

незаконный сын
Fredrik Zebotaieff
фенрик

дети Опалевы/Опаловы (→ Apolloff)

Johan полковник, по- следний ниен- шанцкий комендант	Alexandria ∞ S. Kalitin	Wasili, ротмистр, последний копорский комендант	Peter ?
--	----------------------------	---	---------

Фуник Григорьевич (?) Клементьев

Михаил Клементьев (→ Clementeoff)
уп. 1605—1624; ∞ С. С. Чеботаева

Никита уп. 1616 —1654	Андрей уп. 1624 —1651	Анимия/Та- тьяна мона- хиня	Федор уп. 1632 —1634	Кузьма, ефрейтор уп. 1641 ум. 1669 ∞ К. С. Аминева
-----------------------------	-----------------------------	-----------------------------------	----------------------------	--

Иван Васильевич Калитин

Никита Калитин (→ Callentin → Kalitin) уп. 1604; ум. ок. 1624, ямгородский воевода = 1. N.N.? 2. N. Бестужева?; 3. А. Ф. Аминева??	Семен уп. 1584—1615, 1616?	Петр уп. 1616?; 1618
--	----------------------------------	----------------------------

Кузьма	Ирина?	Семен или, возможно, брат Никиты?	Петр или, возможно, брат Никиты?
--------	--------	---	--

Алексей Невзорович Пересветов

Мурат Пересветов (→ Pereswetoff) ротмистр? уп. 1613; ум. 1641; ∞ А. Ф. Аминева	Иван уп. 1591?, 1621; ∞ А. А. Зайцева
---	--

Alexander (Pereswetoff-Morath) уп. 1649; ум. 1687 полковник, ниеншанцкий комендант	Alexandria уп. 1640
--	------------------------

* Браки и годы жизни приводятся выборочно, в особенности для последних поколений.

** Здесь не перечисляются из-за запутанности женских линий Аминевых.